

УДК 390.4

БАНЯ: НАГОТА, ГИГИЕНА, КОММУНИКАЦИЯ

Пулькин М.В.

В статье рассмотрены основные закономерности формирования коммуникативных предпочтений посетителей общественных бань, а также особенностей восприятия гетеротопного банного пространства в общественном сознании различных эпох и частей обитаемого пространства. Установлено, что бани в разные времена служили не только поддержанию чистоты тела, но и выступали в роли пространства, предназначенного для формирования и сохранения общественных ролей. Помимо своих основных функций (очистительной и оздоровительной), баня совмещает в себе массу других: коммуникативную, релаксационную, рекреационную.

Ключевые слова: баня, гигиена, чистота, социум, секс, ритуал, гендер, статус, античность, средневековье, бодипозитив.

BATH: NUDITY, HYGIENE, COMMUNICATION

Pulkin M.V.

The paper discusses the basic laws of communicative preferences formation of public baths visitors as well as the features of the perception of a heterotopic bath space in the public consciousness of various eras and parts of the inhabited space. It was established that at different times baths served not only to maintain the purity of the body, but also acted as a space intended for the formation and preservation of social roles. In addition to its basic functions (cleansing and sanative), the bath combines a lot of other ones, communicative, relaxational, and recreational.

Keywords: sauna, hygiene, cleanliness, society, sex, ritual, gender, status, antiquity, Middle Ages, body positivity.

Финансовое обеспечение исследований осуществлялось из средств федерального бюджета на выполнение государственного задания КарНЦ РАН

по теме «Культурное наследие и исторический опыт Карелии и сопредельных регионов: новые подходы и интерпретации» (2024-2026) 124022000029-0.

Нагота связана с широким диапазоном социальных проблем. При ее изучении проявляются как обыкновенные, бытовые и вполне предсказуемые ситуации, так и такие случаи, которые выходят за рамки повседневности. Указанное суждение в полной мере применимо к банной наготе. «Нет таких культур, которые бы не отводили специальных пространств для очищения», одновременно формируя для них конвенциональные нормы поведения. Но известно также, что характерные особенности таких пространств и связанные с ними предписания в поведенческой сфере «варьируются от культуры к культуре» [31, с. 180].

Первые известные сведения об общественных гигиенических процедурах относятся к Древнему Риму. Обитатели вечного города полагали, что практикуемое ими регулярное купание «облагораживает их тела». Имеющиеся в латинской литературе описания варварских обычаев навязчиво создают негативный, отталкивающий стереотип «немытого иностранца». Постоянное поддержание чистоплотности оставалось постоянным и обязательным «совместным городским опытом». Правитель Римской империи не мог затеять более популярного в среде сограждан общественного масштабного строительства, чем новые бани. В римских термах в общей уравнивающей и сближающей наготе «сходило вместе все бескрайнее разнообразие города», включающего в свой состав представителей различных народов и конфессий [26, с. 169]. В то же время парадоксальным образом «щепетильное чувство пристойности, характерное для древнего римлянина, не допускало, чтобы отец мылся с взрослым сыном или тесть с зятем». На основании сказанного можно предположить, что принародная «нагота всегда несколько коробила римлян». Окончательно «разбить это предубеждение "сурового победителя" плененной Греции не удалось» [27, с. 145].

Но постепенно ситуация менялась: в период поздней империи нагота стала проникать в повседневный обиход. Более того, некогда строго пуританский Рим начал приучаться к виду обнаженного женского тела. Первыми «преграды стыдливости» посмели переступить женщины-рабыни, за ними, втайне «завидуя цинизму их проституции», последовали знатные римлянки – матроны [6, с. 434]. В общих банях женщины и девушки мылись в одних залах с мужчинами. В мимических представлениях женщины-актрисы нередко полностью разоблачались на потребу любителей античного стриптиза, ряды которых стремительно росли. Гетеры, привлекая клиентов, всё чаще носили платья из полупрозрачных тканей [5, с. 19]. Особой проблемой для правителей Рима и Византии стали смешанные мужские и женские банные помещения, связанные с ними проблемы и неизбежно возникавшие подозрения. С настойчивыми попытками некоторых лиц организовать совместное мытье мужчин и женщин боролись в разные эпохи, но не вполне успешно. Император Адриан решительно потребовал, чтобы мужчины и женщины обязательно мылись раздельно. Но его распоряжение вскоре забыли: Марку Аврелию пришлось настоятельно повторить этот приказ. Император Гелиогабал не только позволил совместное мытье обоих полов, но и сам, подавая пример подданным, регулярно мылся с женщинами. Император Александр Север, склонный к аскетическим идеалам, вновь запретил «смешанные» бани [27, с. 155].

Одно из первых упоминаний о традициях, сложившихся в гигиенической сфере далеко за пределами Рима, относится к 992 г. По сообщению Ахмеда ибн-Фадлана ибн-ал-Аббаса ибн-Рашида ибн-Хаммада у тюрок насущный вопрос о мерах для поддержания телесной чистоты решался крайне просто: «Мужчины и женщины спускаются к реке и моются вместе голые». Они «не закрываются друг от друга и не совершают прелюбодеяния никоим образом и никаким способом» [1, с. 163]. Для путешественника-иностранца такой стиль поведения представлялся крайне странным и предосудительным. Мусульманский обычай запрещает женщине обнажаться даже в полном

одинокости. В бане женщины мусульманских стран либо не снимают рубах, либо носят специальную банную повязку. Даже мужу возбраняется смотреть на наготу жены; аналогична и иудейская традиция [10, с. 44]. Тенденции развития общественной гигиены в Старом Свете столь же тесно связаны с растущим стремлением к целомудрию. На смену общественным баням в Европе постепенно приходило использование более простых, но менее эффективных способов поддержания чистоты тела. Одновременно парильни и другие публичные места мытья мало-помалу исчезли из европейских городов. Причиной стал ряд грандиозных, опустошавших города опасных эпидемий. Заметное влияние оказала и постепенно проявившаяся и ставшая острой нехватка водоснабжения на фоне растущей урбанизации. В качестве средства поддержания чистоты тела сохранилось регулярное купание в реках и иных водоемах в жаркое время суток. Но и здесь незамедлительно появились свои жесткие запреты и суровые ограничения: «Христианское наставление о вреде общественных бань» предписывало всем участникам гигиенических процедур поспешно выходить из воды и затем одеваться как можно быстрее, чтобы «не показываться обнаженным на глаза людям» [12, с. 95, 97].

Рассматривая историю гигиены, не следует игнорировать тот факт, что Запад в XV-XVII вв. перенес «значительный регресс» в том, что касалось регулярного мытья и отношения к чистоте тела в целом. Общедоступные бани, изобретенные в Риме, существовали по всей средневековой Европе, являясь как общественными, так и частными. В бани жители средневековых городов приходили и для того, чтобы побриться, постричься. Но одновременно бани становились местом оказания сомнительных услуг: «местом для встреч с проститутками и развратниками всех мастей» [22, с. 152]. Представители обоих полов нередко мылись вместе обнаженными. Европейская гравюра на дереве XV в., изображающая планету Венеру, показывает ряд любовных сцен, которые не нуждаются в дополнительном разъяснении. В купальной бадье среди прочих – влюбленная пара, которая обнимается и целуется. Так создатель гравюры намекает, что «такие ванны служат скорее делу телесной любви, чем очищения.

Перед купальной бадьей виден стол, уставленный закусками и напитками... Приходится сделать вывод, что влюбленные пары действительно купались обнаженными». Главным для них было не купание, «а эротическое наслаждение, для которого купание предоставляет самую удобную возможность» [3, с. 178-170].

Регулярное мытье тела настолько проникло в повседневный обиход, что даже «входило в круг обязанностей феодала». Но после XVI в. в Европе мыться стали заметно реже [8, с. 238]. Целомудренные, но препятствующие гигиене изменения были вызваны комплексом веских причин. С одной стороны, рациональный страх перед возможными инфекционными заболеваниями, которые, как оказалось, легко подхватить в банях. С другой стороны, перемены стали результатом длительных, но небесплодных усилий и воздействия гневных речей аскетически настроенных католических, а затем и кальвинистских проповедников. Они постоянно негодовали, регулярно произнося яростные проповеди по поводу безнравственности и постыдности совместных бань [8, с. 238]. Фрайбергское предписание (XVI в.), согласно которому женщин в банях могут обслуживать только женщины, оставляет недосказанным, кто же должен обслуживать моющихся мужчин. Обойден молчанием и вопрос о том, можно ли им развлекаться с банщицами или приведенными с собой девушками. Даже распоряжение о раздельных банях не достигало желаемого эффекта, как это показывает гравюра на дереве XVI в., созданная Хансом Себальдом Бехамом. На ней изображена женская баня с обнаженными посетительницами и мужчина, который заглядывает внутрь помещения через открытое окно. Изображение явно не случайно: оно дает понять, что даже в раздельных банях близость мужчин к обнаженным моющимся женщинам рассматривается как нечто само собой разумеющееся [3, с. 178-170].

В средневековой Европе публичное обнажение, регулярное появление на улице без одежды принимало, возможно, более утонченные, но не менее шокирующие формы. Совместные бани продолжали существовать.

Современники «не раз с удивлением отмечали, что обнаженному рыцарю в бане прислуживали женщины». Они же нередко «приносили ему в постель питье». В городах часто наблюдалось, что перед тем, как идти в баню, местные жители «полностью раздевались дома и шли мыться нагишом [3, с. 181]. «Сколько раз мы видели, – пишет наблюдатель, – как муж выходит из дома в одних подштанниках и идет в баню по переулку». На улице его сопровождают «обнаженная жена и нагие дети». Современники событий могли наблюдать «обнаженных девиц десяти, двенадцати, четырнадцати, шестнадцати и восемнадцати лет, совсем нагих или едва прикрытых каким-то рваньем, либо драными полотенцами, как говорится в сих землях: прикрыв только срам и задницу. Так они прямо днем и ходят с банными принадлежностями в руках по длинным переулкам. А рядом идут уже совсем нагишом мальчишки двенадцати, четырнадцати, шестнадцати лет» [29, с. 237]. Причиной публичного обнажения могли становиться не только предстоящие гигиенические процедуры, но и иные, значительно более оригинальные наклонности отдельных индивидов. Во «Флорианской псалтири» дурак со смычковым инструментом настойчиво призывает своих слушателей к безверию – самому страшному греху. Обнаженности здесь придается абсолютно негативный смысл: «Его преступная нагота означает распутство, попрание добродетели» [9, с. 288].

В Средние века, утверждают современные исследователи проблем повседневной жизни, нагота считалась не столь возмутительной, как в последующие времена. Бургундские миниатюры изображают стоящие в ряд ванны, в которых мужчины и женщины сидят друг против друга. Доска с красивой скатертью, положенная поперек ванны, служит столом, на котором располагаются фрукты и напитки. Женщины сидят в головных уборах и ожерельях, но в остальном совершенно нагие; мужчины оборачивают одним платком голову, а другим – бедра [3, с. 182]. Гигиена и уход за телом воспринимались как обыкновенная форма отдыха или лечения. «Если всё как следует взвесить, то в средневековый период гигиена находилась не в столь

плачевном состоянии, как в Новое время» [25, с. 234]. Прежде связанная с регулярными купаниями и удовольствием от парильни телесная гигиена в XVII-XVIII вв. отказалась от масштабного использования воды как гигиенического средства. Исходя из нового стиля поведения, чистое белье заменило чистую кожу. «Хотя во многих банных постройках выделялись особые помещения или отдельные купальни для мужчин и женщин (некоторые бани даже чередовали мужские и женские дни или предназначались только для одного пола), большинство общественных бань оставались местами для удовольствий». В сознании современников они ассоциировались «с публичными домами и тавернами» [11, с. 61]. «Врачи и должностные лица, ответственные за здравоохранение, также не одобряли любые формы омовения из страха, что голая кожа, особенно когда ее поры расширяются от горячего пара, становится более уязвимой перед вредоносными "миазмами", которые, как считалось, являются переносчиками болезней» [11, с. 61].

В XVII-XVIII вв. рафинированные парижские дамы падали в обморок при виде обнаженных мужчин, случайно увиденных на берегах Сены. Во время редких купаний дома «они старались сделать воду мутной с помощью молока или горсти отрубей, чтобы уберечь свою наготу от глаз служанок» [11, с. 78]. Англия была богата минеральными источниками; одни пользовались местной известностью, другие славились по всей стране. Бат был старейшим курортом, хотя и потерявшим бывшее величие времен Римской империи, но продолжавшим привлекать людей, желавших поправить здоровье. Устраивались танцевальные вечера, турниры по фехтованию. «Но основным развлечением было наблюдать за тем, как посетители курорта, всех возрастов и полов, сидели обнаженными, но в льняной шапочке, в огромных ваннах» [7, с. 30]. Постепенно к XIX в. отсутствие стыдливости при обнажении стало восприниматься как совсем не нормальное поведение. В «Путешествии в Арзрум» в 1829 г. А.С. Пушкин описывает поразившую его картину: «старый персиянин... отворил мне дверь». Поэт и путешественник «вошёл в обширную комнату, что же увидел? Более пятидесяти женщин, молодых и старых,

полуодетых и вовсе не одетых, сидя и стоя раздевались, одевались на лавках, расставленных около стен». «"Пойдём, пойдём, – сказал мне хозяин, – сегодня вторник: женский день. Ничего, не беда". – Появление мужчин не произвело никакого впечатления. Они продолжали смеяться и разговаривать между собою. Ни одна не поторопилась покрыться своего чадрую; ни одна не перестала раздеваться. Многие из них были в самом деле прекрасны...» [24, с. 446].

Российский обиход внес в процесс мытья свои специфические черты. Обязательность омовения в ритуалах жизненного цикла связана с логикой, в соответствии с которой основной персонаж (невеста, покойник) должен быть сначала приведен в исходное (природное) состояние и только после этого возможен его переход в новое качество. Омовение и сопутствующая ему нагота, отсутствие всяких знаков, указывающих на связь объекта с миром культуры – все это, видимо, и символизировало его природное, исходное состояние [2, с. 43]. Однако баня расценивалась как источник угрозы, место обитания непознаваемых, но опасных существ. Многочисленные тексты, находящиеся в научном обиходе, свидетельствуют о внезапных появлениях загадочных мифологических персонажей, трагедиях и забавных происшествиях, тесно связанных со специфическим банным обиходом. Внезапное появление на улице в обнаженном виде представлялось современникам событий и их непосредственным участникам как крайне нежелательное, вынужденное действие. Лишь столкнувшись с проявлением деятельности неведомых и, как казалось, опасных существ, крестьянки из коми-пермяцкого края перестали стесняться собственной наготы. В бане «из-под полки кто-то вышел, выходить стал, доски поднял, и они голышом домой убежали» [17, с. 61].

По материалам быличек, записанных в Пермской области, нарушение запрета мыться в бане после полуночи привело к печальным последствиям. «Банник есть, ага, в бане. Летом пошла в баню одна, села на полку, в двенадцать часов ночи. Была у нас одна, так ее за ногу схватил и под полку

поташил. А не знаю кто. Видно, есть кто-то. А ведь и не так чтоб темно было, лампушка была. Она голая домой улетела...». Есть и другие аналогичные сведения, записанные в том же крае: ««Говорили, что кто-то есть в бане, нагишом из бани убегали. Бабы стали париться, тетка, покойная. Села на порог, ей эдак оцарапил ногу. А увидеть, дак никого не видели» [14, с. 39-40]. Повествователь, живший на Русском Севере, оставил сходные воспоминания о зловещей встрече с банной нечистой силой и вынужденной демонстрации собственного обнаженного тела случайным свидетелям загадочного происшествия: «я как-то в баню пошел в субботу, пьяный пришел и пошел туда. Баба уже вымылась, а я один там. Ну, лег там и заснул, прямо голый». Пробуждение оказалось внезапным и ужасным: «просыпаюсь, дергает кто-то». Попытка спешно покинуть опасное пространство бани закончилась неудачей: «слез, хочу выйти, а не дают, не пускают. И стали кидать, дергать, а с бани не пускают. Ну, стал я бабу кричать, чтоб пришла. Она прибежала, сунула мне руку, так я схватил да и выскочил, да и побежал домой, прямо по снегу голый» [19, с. 37].

Здесь имеем дело, во-первых, с обнажением «для себя», без учета потенциальных зрителей, если не считать таковыми сверхъестественные силы и, во-вторых, с осознанием наготы как признака принадлежности к трансцендентному миру. Судя по мифологическим рассказам, распространенным среди русских крестьян, в одной из бань «видели чертей, кикиморами что называются». Вскоре их тлетворное влияние на местных жителей проявилось в полной мере. Перед свадьбой местные жительницы по традиции «на девишник баню истопили». Девки вместе с невестой дружно пошли мыться. Но вдруг обычный элемент свадебного ритуала приобрел экстраординарные черты. Его участницы «из бани-то все нагишом и вышли в сад на дорогу, и давай безобразничать и беситься». Одна из них «пляшет да поет, что есть голосу, похабщину». Другие девушки «друг на дружке верхом ездют, хоркают по-мериночьи». Односельчане незамедлительно приняли самые решительные меры и пресекли внезапное девичье обнаженное

безобразие: «их смирили, перехватили, отпоили молоком парным с медом». Неделю после памятных событий они тяжело хворали, жалуясь на головную боль [20, с. 282]. В Сургуте к одной женщине, мывшейся в бане, в образе ее матери явился банник и «начал обливать её кипятком, пока, наконец, эта женщина не выбежала голой из бани» [21, с. 23].

Судя по запискам путешественников-европейцев, обыденные поступки жителей разных мест России в XVII в. вызывали у них недоумение и раздражали. В то же время они указывают на значительный опыт массового обнажения в повседневной сфере, за рамками чрезвычайных событий, который опирался на спокойное отношение к наготы, удивлявшее иностранцев. Путешественник Адам Олеарий, описывая повседневный быт москвичей, не смог удержаться от описания шокирующей, по его мнению, сцены. Его спутникам довелось видеть в российской столице, как мужчины и женщины «выходили прохладиться из простых бань». Местные жители обнаженными «подходили к нам и обращались к нашей молодежи на ломанном немецком языке с безнравственными речами» [23, с. 190]. Описывая свое посещение общественных бань Астрахани, А. Олеарий вновь с немалым удивлением отмечает свободные нравы, господствующие здесь: «Баня была разгорожена бревнами, чтобы мужчины и женщины могли сидеть отдельно». Но размежевание оказалось формальным: «входили и выходили они через одну и ту же дверь, притом без передников». Только некоторые из них старались соблюдать минимальные правила приличия «держали спереди березовый веник до тех пор, пока не усаживались на место. Иные не делали и этого». Женщины иногда выходили из бани «без стеснения голые, чтобы поговорить со своими мужьями» [23, с. 191]. С краткими наблюдениями Олеария сходны эпизоды из записок австрийского барона и дипломата Августина Мейерберга, посетившего Россию в 1661-1662 гг. Австриец наблюдал следующую картину: «В общественных банях бывают в большом числе и женщины простого звания». Хотя женщины моются там отдельно от мужчин за перегородкой, «однако ж совсем нагие входят в одну дверь с ними». Если которой-нибудь «придет такая

охота, она остановится на ее пороге, да и не стыдится разговаривать при посторонних с мужем, который моется, с самою вздорною болтовнею. Да даже и сами они, вызвавши кровь таким же, как и мужья их, сеченьем и хлестаньем к самой коже, тоже бегут к ближней реке, смешавшись с мужчинами и нисколько не считая за важность выставлять их нахальным взглядам свою наготу, возбуждающую любострастие» [18, с. 99].

Записки иностранцев, посетивших Россию в XVIII в., содержат сходные наблюдения. Датский посланник при дворе царя Петра I Юст Юль запечатлел картину, которую ему случилось видеть в те дни, когда «русские пользуются своими банями». Несмотря на суровую морозную погоду, они выбегали из бани совершенно голые и бросались в речку. Затем они вновь бежали в жаркую парилку. Но прежде чем одеться и уйти домой, выскакивали из бани еще раз и «долго, играя, бегали нагишом по морозу и ветру» [30, с. 86]. Большое удивление у иностранцев, как правило, вызывали бани. Английский дипломат Брюс утверждал, что «бани являются универсальным средством у москвичей для чистоты тела и поддержания здоровья». Люди «с достатком», которые имеют собственные бани, моются не реже двух раз в неделю. Шотландец описывал также устройство общественных бань, которые располагаются на берегах рек. Особенно изумительным ему представлялось, что мужчины и женщины, когда им «очень жарко», выбегают из бани обнаженными и бросаются в реку летом, а зимой – в снег. «Люди обоих полов входят и выходят раздетыми через одну и ту же дверь, когда хотят остудиться». По завершении банной церемонии русские «выпивают водки и идут своей дорогой». Брюс приходил к заключению, что бани оказывают самое благотворное влияние на людей, помогая русским обходиться без докторов, а «многие и вовсе не болеют», поскольку с детства «привыкают к контрасту холода и жары и поэтому становятся и крепкими и сильными, обычно долго живут и не подвержены хандре» [15, с. 78].

Длительная и устойчивая традиция совместного разнополого мытья в бане с некоторыми усилиями была устранена в столицах, но на окраине страны

она еще долго продолжала существовать. «В некоторых районах Карелии в прошлом, да и в первые годы советской власти имело место совместное мытье в бане мужчин и женщин. Иногда зимой в бане собиралось чуть ли не полдеревни. Только куму и куме запрещалось мыться вместе» [28, с. 116]. Исследователи давно и неоднократно отмечали парадоксальность бытового поведения русских женщин и специфические представления о нормах проявления стыда наготы в банном обиходе. При несомненной абсолютной замкнутости российской семейной жизни и соблюдении строгих ограничений в повседневном женском облике (волосы тщательно закрывались повойником от глаз посторонних мужчин, а формы тела прятали за просторной одеждой) женское тело в бане принародно «обнажали без малейшего стеснения» [4, с. 461]. На Руси, по сведениям Н.И. Костомарова, «простые женщины распутного поведения доходили до потери всякого стыда. Например, они голыми выбегали из общественных бань на улицы в посадах и пытались найти клиентов: «закликали к себе охотников» [13, с. 170]. Иногда при созерцании обнаженных тел возникал своеобразный конфликт интерпретаций. В начале XX в. в Карелии девушки обнаженными на виду у всей своей деревни ходили купаться после бани. Местные жители не обращали на эту процессию никакого внимания, но резко «осуждали неадекватную, с их точки зрения, реакцию приезжих» [16, с. 96].

В литературе широко распространено мнение о том, что в традиционных культурах (русская, финская, японская, турецкая бани) нагота в бане исторически играла роль социального уравнилителя. Сторонники указанной точки зрения полагают, что за пределами бани существует строгая социальная иерархия, определяемая одеждой, униформой, знаками отличия, аксессуарами и дорогими костюмами. В бане внешние атрибуты снимаются, что создает уникальное пространство для искреннего, неформального общения: люди воспринимают друг друга, прежде всего как людей, а не как носителей статуса. Баня рассматривается как местом, где можно было «поговорить по-душам», заключить неформальные сделки, узнать «настоящие» новости, недоступные в

официальной обстановке. С баней связывают ритуальное очищение и построение общности, создание чувства единства и принадлежности к группе, возникающее вне социальных структур. Процесс мытья – это не только гигиена, но и ритуал смыwania «грязи» повседневности, стресса, рабочих ролей. Совместное пребывание в экстремальных условиях (жар, пар, холодная купель) создает ощущение коллективного преодоления, сплачивая профессиональную группу, что сходно с эффектом корпоративов или тренингов с тимбилдингом, но гораздо глубже и аутентичнее. Нахождение в уязвимом состоянии (без одежды) среди других людей требует и, в то же время, порождает высокий уровень доверия. Вы доверяете группе свою «незащищенность», что ведет к укреплению связей.

В российском обиходе длительное время существовала шокирующая иностранцев традиция совместного мытья мужчин и женщин; в городах ее с большим трудом удалось преодолеть во второй половине XVIII в. Другой характерной особенностью банного обихода, присущего российской традиции, стало восприятие бани как сакрального пространства, предназначенного для совершения магических действий, а не только гигиенических процедур. Отношение к банной наготе кардинально дифференцируется исходя из различий в культурной сфере.

Своими специфическими чертами обладают европейские страны, но и в них имеются свои различия между Россией, странами Восточной Европа. Особыми чертами обладают скандинавские страны и Финляндия. В качестве исторической нормы рассматривается такой порядок, при котором общественные бани (бани, сауны) предполагают наготу и обязательное разделение по половому признаку. В обыденном японском обиходе, где распространены традиционные бани (сэнто, онсэн), посещение общественных бань голышом – неотъемлемая часть культуры. В японском обиходе нагота абсолютно десексуализирована и носит чисто практический и ритуальный характер. Существует строгий этикет мытья до погружения в общую ванну. В спа-комплексах (например, Therme Erding) Германии, Австрии и Скандинавии

часто есть зоны, где нагота обязательна (так называемые «текстиль-фри зоны»). Для местных жителей такой порядок стал нормой, однако туристы иногда могут испытывать культурный шок. В обиходе некоторых стран, к примеру, США культура носит черты пуританизма. Общественная нагота практически табуирована: ассоциируется с сексуальностью или чем-то постыдным. Общественные бани почти исчезли; в спортзалах и раздевалках люди стараются максимально сохранить приватность.

Банная нагота по-разному функционирует в мужской и женской социальной жизни. Мужская баня исторически является местом для ведения бизнеса, политических дискуссий, «кулуарных» разговоров. Общение часто более сдержанное, но с элементами «своей» маскулинной прямоты. Женская баня традиционно рассматривается как пространство для более эмоционального и доверительного общения, обсуждения личных тем, семейных дел, создания поддерживающего круга. В современных mixed-банях (где полы не разделены) динамика приемлемого поведения меняется. Часто она в большей степени подчиняется западным нормам, где нагота скрывается (купальники, полотенца). В XXI в. рассматриваемый феномен сталкивается с новыми реалиями, связанными с разнохарактерными явлениями социальной психологии: культурой стыда и бодипозитивом. С одной стороны, общество становится более тревожным по поводу поддержания тела в идеальном виде. Люди с комплексами могут избегать общественных бань из-за страха осуждения. С другой – движение бодипозитива призывает принимать тела разного типа, и баня может быть пространством для этого принятия.

По мере развития коммунального хозяйства и распространения городских удобств расширяется приватизация и индивидуализация: личное пространство становится всё более приватным. Люди предпочитают личные ванные комнаты, что ведет к упадку общественных бань как социальных институтов. В общественном сознании наблюдается осязаемая сексуализация взгляда на наготу и на совместные бани. Глобализация и влияние порнографии привели к тому, что любая нагота стала часто восприниматься через призму

сексуальности, что разрушает ее ритуальное значение. Для туристов посещение традиционной бани стало «экзотическим» аттракционом, что иногда приводит к конфликту культур (например, когда туристы пытаются войти в японский онсэн в купальниках). Банная нагота – это мощный социальный инструмент, создающий уникальное коммуникативное пространство. Однако ее роль и восприятие полностью зависят от культурного контекста. Там, где она является традицией (Россия, Япония, Германия), банная нагота продолжает выполнять свою социальную функцию. В культурах, где она табуирована (США), это социальное измерение практически утеряно, заменено идеалами индивидуализма и приватности. В современном глобализированном мире этот феномен находится в состоянии трансформации, балансируя между традицией, новыми нормами телесности и личным комфортом.

Список литературы:

1. Ахмад бен Федлан. О том, что он сам наблюдал в стране тюрок, хазар, руссов, «славян», башкир и других народов // Хамидуллин Б.Л. Хазары и их вассалы глазами современников. Казань: Слово, 2014. 280 с.
2. Байбурин А.К. Ритуал в традиционной культуре. Структурно-семантический анализ восточнославянских обрядов. СПб.: Наука, 1993. 240 с.
3. Бальхаус А. Любовь и секс в Средние века. М.: Книжный Клуб 36.6, 2012. 336 с.
4. Беловинский Л.В. Культура русской повседневности: Учебное пособие. М.: Академический проект, 2020. 716 с.
5. Бычков В.В. *Aesthetica Patrum*. Эстетика Отцов Церкви. I. Апологеты. Блаженный Августин. М.: Ладомир, 1995. 593 с.
6. Валлон А. История рабства в античном мире. М.: Госполитиздат, 1941. 664 с.
7. Веджвуд С.В. Мир короля Карла I. Накануне Великого мятежа: Англия погружается в смуту. 1637-1641. М.: Центрполиграф, 2024. 415 с.
8. Гуди Д. Похищение истории. М.: Весь Мир, 2015. 432 с.

9. Даркевич В.П. Светская праздничная жизнь Средневековья IX-XVI вв. М.: Индрик, 2006. 558 с.
10. Дьяконов И.М. Люди города Ура. М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1990. 429 с.
11. История женщин на Западе: в 5 т. Т. III: Парадоксы эпохи Возрождения и Просвещения. СПб.: Алетейя, 2008. 560 с.
12. История тела: в 3 т. Т. 1: От Ренессанса до эпохи Просвещения. М.: Новое литературное обозрение, 2012. 480 с.
13. Костомаров Н.И. Быт и нравы русского народа в XVI и XVII столетиях. Смоленск: Русич, 2011. 512 с.
14. Куединские былички. Мифологические рассказы русских Куединского района Пермской области в конце XIX–XX вв. Сборник фольклорных материалов. Пермь: ПОНИЦАА, 2004. 114 с.
15. Лабутина Т.Л. Жители петровской России глазами шотландского офицера П.Г. Брюса // Самарский научный вестник. 2014. № 4 (9). С. 78-79.
16. Логинов К.К. Материальная культура и производственно-бытовая магия русских Заонежья. СПб.: Наука, 1993. 232 с.
17. Материалы по коми-пермяцкой демонологии: монография / Авт.-сост.: А.В. Кротова-Гарина, Ю.А. Шкураток, А.С. Лобанова, С.Ю. Королева, И.И. Русинова. Пермь: Пермский государственный национальный исследовательский университет, 2020. 168 с.
18. Мейерберг А. Путешествие в Московию // История России и Дома Романовых в мемуарах современников. XVII-XX вв. М.: Рита-принт, 1997. С. 43-184.
19. Мифологические рассказы и легенды Русского Севера / Сост. О.А. Черепанова. СПб.: Изд-во С.-Петербургского ун-та, 1996. 212 с.
20. Мифологические рассказы русских крестьян XIX-XX вв. / Составление, подготовка текстов, вступительная статья и комментарии М.Н. Власовой. СПб.: Пушкинский Дом, 2013. 909 с.

21. Неклепаев И.Я. Поверья в обычаи Сургутского края // Обряды, обычаи, поверья: Сборник статей. Тюмень: СофтДизайн, 1997. С. 7-208.
22. Нехаева С.В. Картины нравов средневекового студенчества: развратники, насильники, прелюбодеи // Вопросы всеобщей истории и историографии. Сборник научных статей памяти проф. А.В. Эдакова. Новосибирск: НГПУ, 2006. С. 139-170.
23. Олеарий А. Описание путешествия в Московию в Персию и обратно. СПб., 1906. 582 с.
24. Пушкин А.С. Полное собрание сочинений. Т. 7. М.: Наука, 1977. 571 с.
25. Ру С. Повседневная жизнь Парижа в Средние века. М.: Молодая гвардия, 2008. 252 с.
26. Сеннет Р. Плоть и камень: Тело и город в западной цивилизации. М.: Strelka Press, 2016. 504 с.
27. Сергеев М.Е. Жизнь Древнего Рима. М.; Л.: Наука, 1964. 336 с.
28. Тароева Р.Ф. Материальная культура карел (Карельская АССР). Этнографический очерк. М.; Л.: Наука, 1965. 224 с.
29. Элиас Н. О процессе цивилизации. Социогенетические и психогенетические исследования. Т. 1: Изменения в поведении высшего слоя мирян в странах Запада. М.; СПб.: Университетская книга, 2001. 332 с.
30. Юст Ю. Баня, лечение и обычаи // Русский быт по воспоминаниям современников: XVIII век. М.: Задруга, 1914. Ч. 1. 246 с.
31. Якушенкова О.С. Гетеротопия бани // Каспийский регион: политика, экономика, культура. Серия «Философская антропология, философия культуры». 2017. № 4 (53). С. 179–185.

Сведения об авторе:

Пулькин Максим Викторович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института языка, литературы и истории Карельского научного центра Российской академии наук (Петрозаводск, Россия).

Data about the author:

Pulkin Maxim Viktorovich – Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher of Institute of Language, Literature and History of Karelian Research Center of the Russian Academy of Sciences (Petrozavodsk, Russia).

E-mail: mvpulkin@mail.ru.